

ELIAS SOLARIS

IRODUL

VOLUME 3

ASHES THAT REMEMBER

ELIAS
SOLARIS

IRODUL

VOLUME 3
ASHES THAT REMEMBER

THE BOOK IS GONE.
THE MEMORY REMAINS.

A year has passed since the book
vanished without a trace.
No answers. No signs. Only silence.

But ash remembers. Symbols return.
Dreams deepen.
And the city that once stayed silent
begins to speak.

As Aran follows the path left by someone
who no longer has a face, he discovers
that the book was never the destination.
The author was never outside.

The final volume of the IRODUL trilogy
reveals the deepest truth:
some stories do not end —
they begin within you.

ISBN 978-2-123456-78-9

9 782123 456789

NOT EVERYTHING MUST BE READ.
BUT EVERYTHING MUST BE REMEMBERED.

Elias Solaris

IRODUL: Том 3

Пепел, что помнит

<https://litres.ru/74350499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

Пепел умеет помнить.

После событий предыдущих томов герой оказывается всё глубже втянут в тайну древней рукописи, чьи страницы хранят не только забытые знания, но и следы событий, которым не должно было быть места в истории. Прошлое начинает проникать в настоящее, стирая границу между воспоминанием, видением и реальностью.

Чем ближе герой подходит к разгадке IRODUL, тем яснее становится: рукопись не просто рассказывает историю — она сама способна менять тех, кто осмеливается её прочитать.

Чтобы узнать правду о Пепле, придётся заплатить цену. И, возможно, самой высокой окажется не жизнь, а память.

Elias Solaris

IRODUL: Том 3

Пепел, что помнит

Элиас Соларис

IRODUL: Том 3
Пепел, что помнит

Финальная редакция

Содержание

Пролог. Пепел вместо ответа

Глава 1. Тишина, рождённая именем

Глава 2. Пепел не забывает

Глава 3. Выбор, которого не было

Глава 4. Тень того, кто писал

Глава 5. Кровь на страницах

Глава 6. Город, который дышит пеплом

Глава 7. Диалог с Тем, кто молчит

Глава 8. Цена, которую платят молча

Глава 9. Пепел поднимается

Глава 10. Рукопись без почерка

Глава 11. Свобода — последняя из иллюзий

Глава 12. Пепел богов

Глава 13. Имя, которое нельзя произнести

Глава 14. Тишина, которая стала голосом

Часть I. Пепел, что смотрит

Путь памяти

Пролог. Пепел вместо ответа

Я думал, что всё закончилось.

Когда сейф открылся и внутри оказалась только пыль, я почувствовал не облегчение — пустоту. Не ту, что возникает от отсутствия. Ту, что возникает от завершения. Книга исчезла. Бесследно. Без объяснений.

Я прожил год в тишине.

Обычной тишине. Без голосов. Без знаков на коже. Без снов, которые пахнут пеплом. Я закрасил стены, выбросил старые записи, переехал на окраину Праги. Там, где по утрам пахнет хлебом, а вечерами слышно, как внизу играют дети.

Я жил. Работал. Иногда смеялся. Иногда грустил.

Но по ночам я всё ещё открывал глаза и смотрел на пустой стул в углу. Тот самый, на котором в моём первом сне сидел человек без лица. Сейчас он был пуст. Но я ждал.

Зачем — я не знал.

И однажды, когда я смотрел в потолок, считая трещины,

я понял, что не слышу тишину. Не голос. Не шёпот. Именно тишина исчезла. Как будто кто-то выключил звук мира, оставив только пустоту, которая должна была быть заполнена.

Я сел на кровати. Прислушался.

Ничего. Абсолютно.

Подошёл к окну. Улица пуста. Фонарь горит ровно. Но под ним — длинная тень, падающая не от фонаря.

За окном город ещё спал. Между домами лежал ранний серый свет, и фонари казались слишком яркими для этого часа. На крышах блестела влага, а в узких дворах стояли неподвижные машины, покрытые тонким слоем ночной сырости. Я смотрел на улицу и чувствовал странное несоответствие: мир выглядел совершенно обычным, но в этой обычности уже появилось что-то чужое.

Я моргнул.

На стекле проступил символ.

Я узнал его сразу. И впервые за много лет мне стало страшно.

Глава 1. Тишина, рождённая именем

Я проснулся от того, что ладонь горела.

Не обжигала — именно горела, как будто я держал её над открытым огнём, но кожи не касался. Я открыл глаза, поднёс руку к лицу. На середине ладони лежал пепел. Серый, сухой, — свежий, словно только что упавший с сигареты.

Но я не курил.

Я сел, потряс ладонью. Пепел осыпался на простыню. Я

потёр кожу — чисто. Встал, пошёл в ванную, смыл остатки водой. Всё нормально.

Через час, когда я пил кофе, я снова посмотрел на руку.

На том же месте лежал пепел.

Теперь я его не стряхивал. Я смотрел. Кожа была сухой, без раздражения, без следов. Пепел просто лежал сверху, будто кто-то насыпал его за мгновение до того, как я поднял взгляд.

Я снова смыл. Вытер полотенцем. Ушёл на работу.

Вечером он вернулся.

Я перестал его смывать.

Следующие три дня пепел появлялся каждое утро. Иногда на левой ладони, иногда на правой. Однажды — на запястье, тонкой линией, как будто кто-то провёл пальцем. Я смотрел на это и чувствовал странное спокойствие. Будто тело напоминало мне о чём-то, что я забыл.

На четвёртый день я проснулся от того, что в комнате кто-то был. Я повернул голову — пустой стул. Но на спинке стула висел серый шарф. Я не носил серых шарфов. Я никогда не носил шарфов.

Я встал, подошёл, коснулся его. Он был тёплым. Как будто его только что снял кто-то, кто сидел здесь.

Я вышел из квартиры и пошёл на вокзал.

Поезд шёл медленно. Старые вагоны, запах металла и Европейского вкусного либо шампунь либо духов. За окном — поля, хвойный лес, деревни. Я смотрел на пейзаж, но не ви-

дел его. Внутри меня что-то гудело — не голос, а вибрация, как будто струна, натянутая где-то глубоко, начинала звучать всё громче.

Пейзаж медленно менялся за стеклом. Поля тянулись широкими бледными полосами, разделёнными редкими рядами деревьев. Иногда показывались маленькие деревни: несколько домов, старая церковь или высокая водонапорная башня, дым, поднимающийся прямо в холодное небо. Дальше начинался лес — тёмный, плотный, почти неподвижный. Поезд проходил мимо всего этого, и казалось, что каждый следующий километр отдаляет меня не просто от Праги, а от прежней версии самого себя.

Я вышел на станции, название которой не запомнил. Маленький перрон, облупившаяся скамейка, никого вокруг. Только ветер, пахнувший сухой травой и дымом.

Я пошёл по единственной дороге — вверх.

Дорога вилась между полей, усыпанных камнями. Деревья росли редко, корни вросли в камень. Воздух был холодным, колючим. Где-то вдалеке я видел дым — возможно, деревня. Я пошёл туда.

Дорога была старой и почти забытой. По краям её местами проросла трава, а между камнями темнела влажная земля. Ветер гонял по обочине сухие листья, и иногда где-то далеко хлопала незакрытая калитка. За полями уже поднимались первые склоны. Они были серыми в утреннем свете и казались ближе, чем были на самом деле.

Через час я вышел к трём домам. Два заброшенных, с провалившимися крышами. Третий стоял на отшибе, за ним начинался подъём на холм. Дверь была приоткрыта.

Дома выглядели так, будто время давно перестало считать здесь годы. У двух крыши провалились внутрь, балки почернели от дождей, а окна зияли тёмными прямоугольниками. Третий дом был цел. Небольшой, сложенный из старого камня и дерева, с низкой крышей, потемневшей от снега и ветра. За ним начинался склон, уходивший вверх к горам. Из трубы едва заметно поднимался дым.

Я вошёл.

Внутри пахло хлебом, травами и старой кожей. В углу — печь. На столе — кружка с чаем, ещё тёплая. На стуле сидел старик. Он не поднялся. Не обернулся. Просто смотрел в окно на закат.

Комната была маленькой, но в ней чувствовалось то спокойствие, которое бывает только в давно обжитых местах. Деревянные стены потемнели от времени. На полках стояли банки, засушенные травы и несколько книг с потрескавшимися корешками. У окна висела тяжёлая занавеска, выцветшая настолько, что невозможно было понять, какого цвета она была когда-то. На подоконнике лежал гладкий камень. Он выглядел обычным, но почему-то я сразу заметил именно его.

Я сел напротив. Мы молчали. Солнце опускалось, комната наполнялась сумерками.

Он повернулся ко мне. Глаза у него были светлыми, почти прозрачными — как у человека, который видит не глазами. Он посмотрел на меня долго, потом сказал:

— Ты опоздал.

Я не знал, что ответить.

— На сколько? — спросил я.

Он снова посмотрел в окно.

— На семь лет.

— Я впервые здесь, — сказал я. — Я никогда не был в этих горах.

— Поэтому ты и не понимаешь, что опоздал.

Я хотел спросить ещё, но он перебил меня, указав на мою руку. На запястье, чуть выше ладони, там, где у меня был старый шрам.

— Он появился у тебя семь лет назад, — сказал старик.

— Нет. Два года. Я упал на камнях.

— Ты уверен?

— Я помню, — сказал я. — Это было на юге, в Словакии.

— Нет, — сказал он тихо. — Ты помнишь то, что тебе разрешили помнить.

Он замолчал. Я смотрел на шрам, на его белесую поверхность, и вдруг поймал себя на том, что действительно не могу вспомнить, как получил его. Только факт: был, упал, зажило. Но деталей нет. Ни места, ни дня, ни боли.

— Где книга? — спросил я, чтобы сменить тему.

Старик улыбнулся. Улыбка была медленной.

— Ты всё ещё думаешь, что она лежит где-то.

— Она исчезла. Я открыл сейф — внутри было пусто.

— Она никогда не была там, где ты её искал.

— Тогда где?

Он поднял руку и указал на мою грудь.

— Там, где всегда была. Ты просто перестал её видеть.

Я хотел возразить, но слова застряли. Я опустил взгляд и заметил на своей ладони пепел. Тот самый. Серый. Сухой. Я не чувствовал, когда он появился.

— Кто ты? — спросил я.

— Я тот, кто знает, как ты пьёшь чай, — сказал он.

Я нахмурился.

— Ты держишь кружку двумя пальцами, будто боишься обжечься. Ты никогда не пьёшь первым глотком, сначала нюхаешь. Ты не доливаешь кипятка, когда чай остывает — ты просто пьёшь холодный.

Я смотрел на него, и внутри похолодело.

— Откуда ты...

— Я старик в горах, — перебил он. — Такие вещи я замечая.

Он снова повернулся к окну. Солнце уже почти село, комната стала тёмной. Только огонь в печи освещал лица.

За окном горы медленно исчезали в вечерней синеве. Последний свет цеплялся за верхушки, окрашивая их в тусклое золото, тогда как долина уже тонула в тени. Где-то далеко, почти у самого горизонта, показался тонкий дым. Он стоял

неподвижно, будто и ветер здесь умел иногда замолкать.

— Я пришёл за ответами, — сказал я.

— Тогда ты зря пришёл.

— Почему?

— Потому что у меня чай закончился.

Он повернулся ко мне, и на его губах была почти незаметная улыбка. Но глаза оставались серьёзными.

— Хочешь узнать правду, — сказал он, и голос его стал тише. — Я расскажу тебе завтра. И если ты захочешь уйти — уходи. Если останешься — оставайся.

Он встал, подошёл к печи, положил полено. Огонь вспыхнул ярко, и на мгновение я увидел на его пальцах те же знаки, что когда-то носил я. Старые. Глубокие. Прямо под кожей.

— Спи, — сказал он, не оборачиваясь. — Завтра будет долгий день.

Я не мог уснуть.

Я сидел на стуле, смотрел на огонь, слушал, как ветер гудит в трубе. Мысли путались. Шрам. Семь лет. Пепел. Этот человек, который знал, как я пью чай.

Я пытался вспомнить, что было семь лет назад. Книга появилась у меня год назад. Но я читал её дольше? Или она ждала меня дольше?

Я не мог найти ответ.

Вдруг я услышал тишину. Она стала плотной, почти осязаемой. Я поднял глаза — старик сидел напротив меня. Но как он оказался на стуле? Я не слышал шагов.

Он смотрел на меня. Молча. Потом сказал:

— Ты не знаешь, зачем пришёл. Но ты знаешь, что не уйдёшь. Это начало.

Я хотел спросить «чего», но он поднял руку, останавливая меня.

— Завтра. Сейчас — просто будь.

Он закрыл глаза и, кажется, заснул. Я сидел и смотрел на него. На его седую голову, на его руки, на его дыхание — ровное, спокойное. Как у человека, который знает гораздо больше, чем говорит.

Я не знаю, сколько времени прошло. Может, час. Может, три.

Когда я снова посмотрел на дверь, я заметил, что она закрыта.

Я точно помнил, что оставил её открытой.

Я повернулся к старику, чтобы спросить.

Стул напротив меня был пуст.

Только что он сидел здесь — и вот его нет.

Я встал. Подошёл к печи — никого. Заглянул в угол комнаты — пусто. Вышел во двор — ночь, ветер, звёзды. Ни следов. Ни звуков.

Двор был неровным, выложенным плоскими камнями. Между ними пробивалась короткая трава, серебрившаяся под луной. Дом за моей спиной казался меньше, чем минуту назад. Над крышей стояло чёрное небо, настолько чистое, что звёзды казались почти близкими. Ни один звук не нару-

шал эту высоту. Даже ветер, ещё недавно гудевший в трубе, исчез.

Я вернулся в дом.

На столе стояла кружка. Та самая, с чаем. Я взял её, заглянул внутрь.

На дне лежал пепел.

Серый, сухой — и на этот раз тёплый.

Я поставил кружку обратно, сел на стул и закрыл глаза.

Я не был уверен, что старик вообще когда-либо сидел напротив меня.

Но я знал одно: завтра он вернётся. И завтра я буду ждать.

Я не спал.

Сидя на стуле, я смотрел на огонь, догоравший в печи. Угли пульсировали красным, потом тускнели, снова разгорались — и в этом ритме было что-то до боли знакомое. Как будто я уже сидел здесь. Не однажды. Но память не давала мне вспомнить когда.

Пепел на дне кружки остыл. Я коснулся его пальцем — он рассыпался, оставив на подушечке серый след. Я хотел стряхнуть его, но передумал. Пусть останется.

В окно светила луна — полная, холодная. Её свет лежал на полу белой дорожкой, и в этом свете я вдруг увидел тени. Не свои. Другие. Они двигались по стенам, но не повторяли моих движений. Я замер — они замерли. Я пошевелил рукой — одна из теней качнулась в другую сторону.

Я не испугался. Я устал бояться.

Я закрыл глаза и провалился в сон, который не был сном. Или был — но не моим.

Мне снился лес. Старый, густой, с деревьями, чьи стволы уходили в небо так высоко, что кроны терялись в тумане. Я шёл по тропе, усыпанной иглами, и знал — я здесь уже был. Не в этом теле. В том, до меня.

Лес был настолько древним, что в нём не чувствовалось присутствия человека. Мох покрывал корни, влажные папоротники поднимались до колен, а воздух пах смолой, холодной землёй и чем-то металлическим. Туман висел между стволами отдельными белыми слоями, и дальние деревья растворялись в нём, будто лес не имел конца.

На поляне стоял камень. Серый. Гладкий. Я подошёл к нему, положил ладонь на холодную поверхность. Камень был тёплым внутри. Я чувствовал это сквозь кожу — тепло, которое не шло от солнца.

— Ты помнишь? — спросил кто-то за спиной.

Я обернулся. Никого. Только деревья. Но голос звучал отовсюду — из земли, из воздуха, из моей собственной груди.

— Помнишь, кто ты? — повторил голос.

Я хотел ответить «да», но слова не пришли. Потому что я не был уверен.

Я проснулся от того, что кто-то тронул меня за плечо.

Старик стоял надо мной. Солнце уже встало, комната была залита утренним светом. На столе стояла свежая кружка

с чаем, рядом лежал кусок хлеба.

— Ты кричал во сне, — сказал он. — Негромко. Но я слышал.

— Я не помню, что мне снилось, — сказал я. Это было почти правдой.

Старик сел напротив. Его лицо было спокойным, но в глазах я видел что-то, чего не было вчера. Усталость? Нет. Скорее — знание. Он знал, что я видел во сне. Он знал больше, чем говорил.

— Ты хочешь знать, что такое Иродул на самом деле, — сказал он. И это был не вопрос.

Я кивнул.

— Тогда я расскажу тебе одну историю, — сказал он. — Но не спрашивай меня, правда ли она. Я не знаю. Я только помню.

— Откуда ты помнишь?

— Я её и написал.

Он замолчал. Я смотрел на него, и внутри меня всё перевернулось. Книга. Манускрипт. IRODUL. Автор, которого никогда не было.

— Ты не можешь быть автором, — сказал я. — Книге пятьсот лет.

— Я знаю, — сказал он. — Я не говорю, что написал её в этой жизни.

Он пододвинул ко мне кружку с чаем.

— Пей. Это будет долгий рассказ.

Я взял кружку. Она была тёплой. Я поднёс её к губам, сделал глоток — и замер.

Чай пах пеплом. Не горелым, не горьким — именно пеплом. Тем самым, что лежал на моей ладони четыре дня подряд.

Я отставил кружку и посмотрел на старика.

Он улыбнулся — той медленной, старческой улыбкой.

— Я же говорил, — сказал он. — Сегодня будет долгий день.

Глава 2. Пепел не забывает

Я пил чай.

Вкус пепла оставался на языке, но я перестал его замечать. Или привык. Или тело решило, что это нормально — пить пепел по утрам, сидя в доме незнакомого старика в горах, которых нет на карте.

Старик молчал.

Я ждал.

— Ты когда-нибудь задумывался, — сказал он наконец, — почему пепел не исчезает?

— Исчезает, — ответил я. — Ветер сдувает.

— Ветер сдувает пыль, — поправил он. — Не пепел. Пепел — это то, что остаётся. Он может лежать тысячу лет. И если его не тронуть, он будет лежать ещё тысячу. Он не разлагается. Он не гниёт. Он помнит.

— Пепел не может помнить. Это просто сгоревшая орга-

ника.

Старик улыбнулся. В его улыбке не было насмешки — только терпение. Терпение человека, который слышал этот вопрос сотни раз и знал, что ответ не изменится.

— Органика, — повторил он. — Ты так думаешь. Потому что твой глаз видит только то, что осталось от листа, от дерева, от кости. Но пепел — это не остаток. Это слепок. Когда вещь сгорает, она оставляет в пепле форму того, чем была. Не внешнюю — внутреннюю. Каждая горевшая вещь записывает себя в пепел. Свой запах. Свою историю. Свою боль.

Он взял щепотку пепла из кружки, растёр между пальцами.

— Этот пепел, — сказал он, — помнит, кто его сжёг. И зачем.

Я смотрел на его пальцы. На серую пыль, которая сыпалась обратно в кружку.

— Ты хочешь сказать, что я пью воспоминания?

— Нет. Ты пьёшь пепел. Воспоминания приходят позже. Когда тело привыкнет.

Он замолчал. Я сидел, чувствуя, как внутри, под рёбрами, разливается странное тепло. Как будто я проглотил что-то живое.

— Зачем ты дал мне это? — спросил я.

— Ты сам этого хотел. Просто не знал, как попросить.

— Я не просил.

— Ты пришёл сюда. Ты сел за этот стол. Ты взял кружку.

Это и есть просьба. Слова не нужны.

Я хотел возразить, но что-то остановило меня. Тепло поднималось выше, к горлу, к глазам. Я чувствовал, как мир вокруг меня становится мягче. Края предметов теряли чёткость. Комната начала расплываться, как акварель под дождём.

— Что... — начал я.

— Не сопротивляйся, — сказал старик. — Это не боль. Это память. Просто смотри.

Я закрыл глаза.

Я стоял в поле.

Поле уходило к самому горизонту. Высокая трава была почти серебряной под ровным светом, и ветер двигал её широкими волнами, одну за другой. Ни дороги, ни дома, ни дерева — только открытое пространство и низкое небо. От этого одиночество казалось не пугающим, а бесконечным.

Передо мной стоял человек. Молодой. В грубой одежде. Он держал в руках книгу — ту самую, чёрную, с кожаным переплётом. IRODUL.

Он смотрел на неё с такой смесью благоговения и страха, что у меня перехватило дыхание.

— Ты знаешь, что внутри, — сказал я.

Он поднял глаза. И посмотрел на меня.

Он видел меня.

Не сквозь. Не мимо. Он смотрел прямо мне в глаза и кивал, будто знал, что я появлюсь.

— Ты вернулся, — сказал он. — Я знал, что ты вернёшься.

— Кто ты?

— Ты.

— Я не понимаю.

Он улыбнулся. Улыбка была грустной.

— И не надо. Придёт время — поймёшь. Сейчас — просто запомни этот миг. Запомни моё лицо. Оно тебе пригодится.

Я хотел спросить ещё, но поле начало таять. Трава исчезала, небо сворачивалось, как бумага. Молодой человек с книгой становился прозрачным.

— Ты ещё увидишь меня, — сказал он. — Много раз. В разных лицах. Я всегда здесь. Я — тот, кто помнит.

— Как тебя зовут?

Он уже почти исчез. Но перед тем как раствориться окончательно, он прошептал:

— Моё имя — пепел.

Я открыл глаза.

Комната вернулась на место. Старик сидел напротив, глядя на меня с непроницаемым лицом. Моя кружка была пуста. На дне не осталось ни капли, ни пылинки.

— Что это было? — спросил я. Голос дрожал.

— Первое воспоминание, — сказал он. — Не твоё.

— Чьё?

— Того, кто сжёг книгу. Первого.

— Книгу сожгли?

Он покачал головой.

— Не сожгли. Отдали. Огонь — это не уничтожение. Это переход. Ты думаешь, что пепел — это конец. Нет. Пепел — это начало. Всё, что сгорает, становится чем-то другим. Книга сгорела — и стала знанием. Знание сгорело — и стало тобой.

Я смотрел на свои руки. Они дрожали. Или мне казалось.

— Почему я видел его?

— Потому что он был тобой. В другой жизни. Или в другой версии этой жизни. Я не знаю точно. Я только помню.

— Ты говорил, что написал книгу.

— Я и написал. В одной из жизней. В той, что сгорела.

Он поднялся, подошёл к печи. Взял с полки маленькую деревянную шкатулку, вернулся к столу, поставил передо мной. Шкатулка была старой, тёмной, с вырезанной на крышке спиралью.

— Открой, — сказал он.

Я поднял крышку.

Внутри лежал пепел. Такой же серый, сухой. Но другой. Он не был мёртвым. Он дышал. Я видел, как он двигается, как поднимается и опускается, будто под ним билось сердце.

— Это то, что осталось от меня, — сказал старик. — От того меня, который был до. Я храню это в шкатулке уже семьдесят лет.

— Семьдесят лет?

— Я старше, чем выгляжу, — сказал он. — И моложе, чем

кажусь.

Он закрыл шкатулку. Убрал обратно на полку.

— Завтра я покажу тебе, как говорить с пеплом, — сказал он. — Не с людьми. Не с духами. С пеплом. С тем, что остаётся. Он помнит всё. Каждое сожжённое письмо. Каждую упавшую звезду. Каждое слово, которое не было произнесено. Если ты научишься слушать — он расскажет тебе всё, что ты хочешь знать.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Но будь осторожен. Пепел не помнит только хорошее. Он помнит всё. Боль. Предательство. Страх. Однажды ты можешь узнать о себе то, что не хотел знать.

Я молчал.

Я чувствовал внутри себя то поле, того молодого человека, его слова: «Моё имя — пепел». Они жгли меня изнутри.

— Почему именно я? — спросил я.

Старик улыбнулся.

— А ты не догадываешься?

Я не ответил.

— Ты думаешь, что нашёл книгу, — сказал он. — Нет. Книга нашла тебя, потому что ты уже был в ней. Ты был в ней задолго до того, как родился. Ты — часть её. И она — часть тебя. Вы не можете существовать друг без друга. Поэтому ты здесь.

Он встал. Подошёл к окну. Горы уже начали темнеть, солнце скрывалось за вершинами, оставляя только оранже-

вую полосу на горизонте.

Тени поднимались по склонам медленно, словно кто-то тушил свет один участок за другим. Последняя оранжевая полоса держалась над вершинами ещё несколько минут, а затем стала красной, потом медной и наконец исчезла. После неё горы приобрели почти чёрный цвет, и дом старика оказался маленькой тёплой точкой среди огромного холодного пространства.

— Иди спать, — сказал он. — Завтра будет долгий день.

Я не двинулся с места.

— Я не устал.

— Это неважно. Иди. Ты должен отдохнуть, чтобы принять то, что увидишь.

Он говорил спокойно, но в его голосе была сталь. Я поднялся, прошёл в угол, где лежал старый матрас. Лёг. Смотрел в потолок и чувствовал, как внутри меня, под рёбрами, пульсирует что-то тёплое.

Пепел не забывает, — сказал я себе.

И понял, что это не мои слова.

Я закрыл глаза.

Мне снова снился тот молодой человек.

Он стоял у камня, на поляне, которую я узнал. Тот же лес, то же небо. Теперь у него в руках была не книга — она лежала на камне.

— Время пришло, — сказал он. — Ты готов?

Я не знал, кому он говорит. Только потом я понял — мне.

Тому, кем я должен был стать.

Он взял книгу. Положил на неё руку. И заговорил на языке, которого я не знал, но который понимал.

Он не читал заклинание. Он прощался.

Когда он закончил, книга загорелась.

Я проснулся.

Старик сидел у печи. Смотрел на меня.

— Ты видел? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Он сжёг книгу.

— Нет, — сказал старик. — Он вернул её туда, откуда она пришла. Книга не сгорела. Она просто перестала быть книгой. Она стала пеплом. И теперь ты пьёшь её каждое утро.

Я сел. Голова кружилась. Внутри меня что-то шевелилось. Воспоминания, которые не были моими.

— Он ждал меня? — спросил я.

— Он ждал тебя семь лет, — сказал старик. — И ты пришёл. Как и обещал.

— Я не обещал. Я никогда не видел его до сегодня.

Старик покачал головой.

— Ты не помнишь. Потому что тот, кто обещал, — это не ты. Тот, кто помнит, — это он. А ты — тот, кто пришёл забрать.

Он протянул руку и коснулся моего лба. Я почувствовал тепло, мягкое, спокойное. И в этом тепле я увидел себя. Стоящего у камня. С книгой в руках. И я смотрел в глаза старику.

Только старик был молодым.

Он улыбнулся.

— Ты помнишь меня? — спросил я.

— Я не помню. Я — пепел. Пепел не помнит лиц. Он помнит только то, что важно.

И я понял.

Я не искал книгу.

Я искал себя. Того, кто сжёг её. Того, кто ждал меня семь лет. Того, кто стал пеплом, чтобы я мог его найти.

Старик ушёл в темноту. Дверь закрылась за ним мягко, почти беззвучно. Я остался один в доме, где только что говорил с пеплом.

На полу ещё лежал погасший уголёк. Я поднял его, сжал в кулаке. Он был холодным. Совершенно мёртвым. Но в моей груди, под рёбрами, всё ещё пульсировало то тёплое, живое, что оставил пепел. Оно не уходило. Оно становилось глубже.

Я закрыл глаза и снова услышал голос — тот самый, из пепла. Но теперь он звучал ближе. Будто говорил не изнутри, а из-за плеча.

«Ты не сжёг её», — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Нет, — ответил я вслух. — Не сжёг.

«Почему?»

Я молчал. Я не знал почему. Я видел себя в том воспоминании — я стоял у огня, книга в руках, и не мог её отпустить.

«Ты боялся, что потеряешь себя», — сказал голос.

— Я боялся, — признался я. — Да.

«Ты думал, что книга — это ты. Что без неё ты станешь никем».

— Стану?

«Ты уже стал никем. Ты просто не заметил. Когда книга исчезла, ты не рассыпался. Ты остался. Но ты не знаешь, кто ты. Ты ищешь ответы, потому что боишься, что их нет. Но они есть. Ты просто не умеешь их слышать».

Голос замолк. Я открыл глаза. Комната была пуста. Только огонь в печи, только ветер за окном.

— Как мне их услышать? — спросил я тихо.

«Перестань искать имя. Имя — это ярлык. Ты ищешь не имя. Ты ищешь суть. А суть не называют — её чувствуют».

Я сидел неподвижно. В доме стало совсем темно — огонь почти погас. Я не зажигал свечи. Я просто сидел в темноте и чувствовал, как внутри меня, там, где раньше была Искра, что-то растёт. Не тепло — знание. Тихое, спокойное, как утренний свет, который ещё не наступил.

Прошёл час. Или больше. Я не знаю.

Дверь открылась. Вошёл старик. В руках он нёс что-то, завернутое в серую ткань.

— Ты всё ещё здесь, — сказал он. Это не было удивлением.

— Я не мог уйти, — ответил я. — Я ждал тебя.

Он кивнул. Подошёл к столу, развернул ткань. Под ней оказался камень — небольшой, тёмный, гладкий. На его поверхности была вырезана спираль. Та самая. Без входа и вы-

хода.

— Это кусок того самого камня, — сказал он. — С места, где книга нашла свой первый огонь. Ты должен взять его. Не забирать — просто поддержать.

Он положил камень на стол передо мной. Я протянул руку, коснулся его поверхности. Камень был тёплым. Не от печи — своим теплом, как живое тело.

Я закрыл глаза.

И вдруг я увидел.

Не сон. Не воспоминание. Настоящее. Я стоял в поле, которое видел раньше. Но теперь не я был тем молодым человеком. Я был собой — и видел его, стоящего у камня. Книга лежала на камне. Он смотрел на неё. И плакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.